

**ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНЫЯ МАТЕРЕ НАШЕЯ
МАРИИ ЕГИПЕТСКИЯ,
СПИСАННОЕ СВЯТЕЙШИМ СОФРОНИЕМ,
ПАТРИАРХОМ ИЕРУСАЛИМСКИМ**

Статья 1-я

Тайну цареву добро хранити, дела же Божия открывати и проповедати славно: тако рече Рафаил Ангел к Товиту по преславном прозрении ослепленных его очес. Ибо царския не хранити тайны, боязненно есть и пагубно; а еже молчати дела Божия преславная, велия есть души тщета. Тем же и аз [глаголет Софроний святыи], страхом одержим Божественная в молчании сокрыти, воспоминаю претимую [в Евангелии] беду ленивому рабу, иже, прием от Господа талант, в землю закопа, и данный делания ради сокры, не делая: повесть святую, до мене дошедшую, никакоже умолчу. Но никтоже буди неверующ пишущему, яже слышах, ниже да мнит кто дерзающа мя неистинная писати, сумняща о вещи сей великой: не буди мне лгати на святыя. Аще же будут нецыи, иже получивше сие писание и преславному сему делу дивящися, неудобь восхотят веровати, и оным милостив да будет Господь; понеже тии, немощь человеческого помышляюще естества, неудобна быти нещуют, яже о человецех преславная глаголются. Но уже подобает начати повесть о вещи сей предивной, бывшей в роде нашем.

Бысть некий старец во едином от Палестинских монастырей, жития благонаравием и слова благоразумием украшен, от самых пелен во иноческих подвизех добре наставлен, Зосима же бе имя старцу тому. [И да не мнит кто, яко оный zde бе Зосима еретик, аще и обоим имя едино есть: оный бо злославен бе и чуждь церкви, сей же православен и праведен,]

иже вся подвиги постническаго жития пройде, и всякое правило, преданное от совершенных иноков, сохрани, вся же та творя, никогдаже поучения Божественных словес пренебреже, но и возлегая, и востая, и в руках имея делание, и пиши вкушая, [аще достоин и пищею нареши, еже он мало нечто вкушаше,] едино дело име немолчное и никогдаже prestaющее, еже пети Богу всегда и поучение творити Божественных словес. От самага же младенчества вдан бывши в монастырь, до пятидесяти трех лет в нем добре постническими трудами подвизася. По сем же смущен бысть от неких помышлений, аки бы он уже во всем был совершен, от иных наставления никакоже требуя, глаголя мыслию в себе: «Есть ли на земли монах, пользовати мя могый, иже покажет ми образ постничества, егоже аз не содеях? Обрящется ли в пустыни человек, превосходящ дела моя?»

Сиче же помышляюще старцу, явися Ангел и рече:

— О Зосимо! Добре, якоже бе мощно человеку, подвизался еси, добре постническое течение прошел еси: обаче никтоже есть в человецех, иже бы себе совершенна быти показал. Бóлий есть подвиг предлагающий от мимошедшаго уже, егоже ты не веши: да познаеши убо, колико есть ко спасению иных путей, изыди от земли твоея, якоже Авраам оный, в патриарсах нарочитый, и иди в монастырь, сущий при Иордане рече.

Абие убо старец, следуя глаголющему, изыде из монастыря, в немже от младенчества иночествова, и, достиг Иордана, наставлен бысть от зовущаго во оный монастырь, в немже Бог быти ему повеле. Толкнув же рукою в двери монастырския, обрете монаха, двери хранящаго, и тому первее о себе рече; он же возвести игумену, иже его прием и образом монаха узрев, сотворшаго иноческое обычное поклонение и молитву, вопроси его:

— Откуда еси, брате? И чего ради к нищим нам старцем пришел еси?

Зосима же отвеча:

— Еже откуда приидох, несть сие нужно рещи, пользы же ради, о отче, приидох: слышах бо о вас великая и достохвальная, могущая душу присвоити Богу.

Рече же ему игумен:

— Бог Един, брате, исцеляя души немощь, Той тебе и нас да научит Своим Божественным хотением, и наставит вся творити полезная; человек бо человека пользоваться не может, аще не кийждо внимает себе всегда и, бодрствуя духом, делает полезное, Бога имый с ним купно делающа. Но понеже любовь Христова еже видети нас, убогих старцев, тебе подвиже, пребывай с нами, аще сего ради пришел еси: и всех нас напитает благодатию Святаго Духа Пастырь Добрый, давый душу Свою избавление за нас.

Сия рекшу игумену к Зосиме, поклонися он, и испросив молитву и благословение, и рек: «Аминь», — пребысть в монастыре том. Виде же тамо старцев, деянием добрых дел и богомыслием сияющих, духом горящих, Господеви работающих: пение бо их не престанное, стояние всеночное, в руках присно делание, и псалмы во устех их; словесе же праздна не бы в них, промысления о стяжании прибытков временных и печали житейския ниже именованием в них познаваема быху. Но едино бы точно и первое и последующее с поспешением от всех тщание, еже имети себе мертвых телом. Пищу же имяху неоскудевающую словеса Божия: питаху же и тело хлебом и водою, якоже коемуждо бы к Божией любви разжение. Сия видев, Зосима пользовашеся зело, простираяся на предлежащий подвиг.

Днем же мно́гим мимоше́дшим, прибли́жися вре́мя свята́го Вели́каго поста́, врата́ же монасты́рская затворе́на бя́ху всегда́ и никогда́ же отверза́хуся, разве́ то́чию егда́ кто от них изше́л бы посыла́емый о́бщия ра́ди потре́бы: пу́сто бо бе ме́сто, и не то́чию ины́м невходи́мо, но и незна́емо миря́нами. Бе же тако́в в монасты́ре том чин, егóже ра́ди Бог и Зосиму́ та́мо приведе́: в пе́рвую неде́лю поста́ творя́ше пресви́тер святу́ю Литурги́ю, и вси прича́стницы быва́ху Пречи́стаго Те́ла и Кро́ве Христа́ Бо́га на́шего и ма́ло от бра́шна по́стническаго вкуша́ху. Потóм собира́хуся в це́рковь и сотвори́вше моли́тву приле́жну и коленопрекло́нения дово́льная, лобза́ху друг дру́га ста́рцы, и кийждо игу́мена с поклоне́нием прося́ о благослове́нии и моле́нии на предлежа́щий по́двиг поспешеству́ющем и спутьше́ствующем. Сим же бы́вшим, врата́ монасты́рская отверза́ху и пою́ще согласо́но: «Госпо́дь Просвеще́ние моё́ и Спаси́тель мой, когó убою́ся? Госпо́дь Защи́титель живота́ моего́, от когó устрашу́ся?» — и прóчее псалма́ тогó докончава́юще, исхожда́ху вси в пусты́ню, едина́го или́ два бра́та храните́ля монасты́рю оста́вльше, не да храня́т внутри́ су́щая имене́ния: не бе бо в нем, что татьми́ крадо́мое, но да це́рковь без служе́ния Божества́ не оста́нется; и прехо́ждаху реку́ Иорда́н. Кийждо же ноша́ше себе́ пи́щу, я́коже можа́ше и хотя́ше, проти́ву потре́бы теле́сныя уме́ренну: ов ма́ло хлѣба, ов же смо́квы, ин фи́ники, други́й же со́чиво, мо́ченное водо́ю, а ин ничто́же, то́чию те́ло свое́ и рѹбы, и́миже оде́ян бя́ше; пита́шеся же, егда́ естество́ те́ла прину́ждаше, зе́лиями, расту́щими в пусты́ни. Та́ко Иорда́н прешѣ́дше, разлуча́хуся далѣ́че от себе́, и не ве́дяше кийждо друг дру́га, ка́ко посты́тся или́ ка́ко подвиза́ется; а́ще ли же случаше́ся узрѣ́ти друг дру́га своего́ к нему́ иду́ща, а́бие уклоня́шеся на и́ну страну́, и еди́н живя́ше, Бо́гу поя́ всегда́, и зело́ ма́ло во вре́мя урече́нное вкуша́я пи́щи.

Сице ўбо весь пост скончавающе, возвращахуся в монастырь, в неделю, яже есть прежде Воскресения Христова, егже предпразднство тогда с цветоносием церковь праздновати прияла есть; возвращахуся же, кийждо имея труда своего свидетеля совесть свою, сведущую, что содела; и никтоже отнюд вопрошаше другаго, како и коим образом труда подвиг соверши; таков бе устав монастыря того.

Тогда ўбо и Зосима по обычаю монастырскому преиде Иордан, мало нечто от пищи нося, требования ради телеснаго, и одежду, еюже одян быше; правило же свое молитвенное совершаше, сквозе пустыню ходя, и во время пищи, по нужде естественной опасно творяше; сна же мало имяше, в нощи на земли восклонься и седши, неколико почивая, идеже нощное время его постиже; зело же рано паки востая, свое течение творяше. Вожделе же внити во внутреннюю пустыню, надеяся обрести некоего от отец, тамо подвижающагося, иже бы могл пользоваться его, и приложися ему желание к желанию. Шед же двадцать дней, ста мало от пути и, обратився на восток, пояше час шестый, творя обычные молитвы: престаяше бо мало от путешествия во время правила своего, коегждо часа поя и кланяяся.

Егда же стояше поя, узре от десныя страны стень аки человеческого телесе, исперва ўбо ужасеся, мя зрети привидение бесовское, и, трепетен быв, знаменая знамением крестным, и, страх отложив, уже скончавая свою молитву, обратися очесами к полудню, и виде некоего идуща, нага телом и черна от солнечнаго опаления, власы имуща на главе белы, аки волну, и кратки, яко точною до выи досязающия. Сие Зосима виде, нача тещи на страну оную, на нейже то видяше, радуяся радостью великою: не видя бо в тыя дни человеческого видения, ниже иного

кого животнога. Егда же то видение Зосиму издалеча грядущаго узрѣ, нача тещи и бежати в глубочайшую пустыню; Зосима же, яко забы свою старость и труд путьный, быстро течаше, хотя постигнути бежащее, сей убо гоняше, а оное бежаше, бысть же течение Зосимино скорейшее паче того бежащаго. Егда же приближися яко, мощи уже и глас слышати, нача вопити Зосима со слезами, глаголя:

— Почто от мене бежиши, старца грешнаго, рабе Истиннаго Бога, Егоже ради в пустыни сей живѣши? Пожди мене, недостойнаго и немощнаго; пожди надежды ради воздаяния за твои труды; стани и подаждь ми старцу молитву твою и благословение, ради Бога, не возгнущавшагося никогже.

Сия Зосиме со слезами глаголющу, быша близ себе, текуще к месту некоему, идеже аки бы поток сух воображался. Егда же прибегоша на то место, бежащее сниде на другую страну; Зосима же утрудся и ктому тещи не могый, ста на сей стране поточнаго воображения и приложи к слезам слезы и к воплю вопль, яко паче ближайших рыданий слышатися им. Тогда оное бежащее тело глас таков испусти:

— Авво Зосимо, прости мя, Господа ради, яко не могу обратившися явиться тебе: жена бо есмь нага, якоже видиши, и студ телесный непокровен имущая, но аще хочещи мне, женѣ грешней, молитву твою благословение подати, поверзи ми нечто от одежды твоея, да покрью наготу мою и, обратившися к тебе, молитву от тебе приму.

Тогда трепет и страх велий, ужас же ума объя Зосиму, яко услыша именем себе зовома, егоже никогдаже та виде и о немже никогдаже слыша, и рече в себе: аще не бы сия прозорлива была, не бы именем звала мене. И сотвори вскоре реченное ему,

снем с себе одѣжду вѣтху же и раздрáнну, юже ношáше, вѣрже к ней, отвратився лицѣм от нея. Она же взѣмши, покрѣ часть тѣла своего, юже достояше пáче иных частей покрѣти, якоже бе мóчно, препоясавши, и обратившия к Зосíме, речѣ к нему:

— Почтó тебе изволися, áвво Зосíмо, грѣшную жену видети? Что ли трѣбуя у мене слышати или чему научитися, толикаго труда не обленился еси подъяти?

Он же на зѣмлю повергся, просяше прияти благословѣние от нея. Такожде и она поверже себе, и лежаша оба на земли, един от другаго благословѣния просяще, и ничтóже бе слышати от обоих глаголемо, кроме: «благослові».

По мнозем же часѣ речѣ жена к Зосíме:

— Авво Зосíмо, тебе подобает благословити и молитву сотворити, ты бо пресвѣтерства сáном почтен еси и, от многих лет святому олтарю предстоя, Божѣственных Таин Дáры Гóсподу приносиши.

Сия словеса в бóльший страх Зосíму подвигоша, и трѣпетен быв старец, слезáми обливашеся и стѣняше, глагола же к ней претружденным и изнемогающим отдыханием:

— О мáти духовная! Ты Бóгу приближилася еси и множайшею чáстию умертвилася еси: являет тя бóльшее пáче иных Бóжие данное тебе дарованіе, яко именем мя зовѣши и пресвѣтера нареклá еси, егоже никогдаже видела еси; тѣмже самá пáче благослові, Гóспода ради, и подаждь молитву трѣбующему от твоего совершѣния.

Послáбивши úбо она прилежанию старчу, речѣ:

— Благословѣн Бог, хотяй спасѣния душáм человѣческим.

Зосíме же рѣкшу: «Амíнь», — востáша оба от зѣмли.

Она́ же рече́ к ста́рцу:

— Чесó ра́ди ко мне грéшнице пришéл еси́, о чело-
вече́ Бóжий? Чесó ра́ди восхотéл еси́ видети́ жену́
нагу́ю, ни еди́ныя добродéтели имéющую? Обáче
благодáть Свята́го Дúха настáвила тя, да нéкое по-
служéние соверши́ши тéлу моемú во врéмя потрéбы.
Рцы́ же ми, óтче, кáко христиáне живúт ны́не, кáко
же ца́ри, и кáко святы́я цéркви?

Зоси́ма же отвещá:

— Моли́твами ва́шими святы́ми мир крéпок Бог
даровáл есть. Но прими́ мольбу́ недостóйнаго ста́р-
ца, и помоли́ся Гóспода ра́ди о ми́ре всем и о мне,
грéшном, да не бúдет ми бесплóдно пусты́нное сиé
хождéние.

Она́ же отвещá к немú:

— Тебе́ па́че достóит, áвво Зоси́мо, священный
имéющую чин, за мене́ и за вся моли́тися: на то бо и
учинéн еси́. Обáче понéже послушáние твори́ти до́лж-
ни есмý, повелéнное úбо мне тобо́ю сотворю́.

Сиé рéкши, обрати́ся на востóк и, возвéдши óчи
горé и рúце воздéвши, начá моли́тися тíхо, и не
слýшахуся глаго́лы ея́; от ни́хже Зоси́ма ничтóже
разумé и стоя́ше [я́коже глаго́ла] трéпетен, до́лу зря
и ничтóже вещáя.

Кленя́шеся же Бóгом свидéтелем, глаго́ля:

— Яко́ егда́ мéдляше та на молíтве, воздвíг máло
óчи от зрéния на зéмлю, узрéх ю́ возвы́шену́ я́ко на
лáкоть еди́н от зéмли и на воздýсе стоя́щую и моля́-
щуюся.

Сиé же я́ко ви́де Зоси́ма, стра́хом мно́жайшим
содержи́м, повер́же себе́ на зéмлю, слезáми облива́я-
ся, и ничесóже глаго́ла, то́чию: «Гóсподи, помíлуй».
На зéмли же лежá, ста́рец смущáшеся мы́слию, мня, я́ко
привидéние се и дух есть, íже молíтву притворя́ет.

Обратившись же она́, воздвѣже старца и рече́:

— Почто́ ты, авво Зосімо, помышлѣнія о привидѣнии смущают, глаголющая, яко дух есмь и молитву притворяю? Ей, молю́ ты, отче блаженне, да извѣстен будѣши, яко жена́ есмь грѣшница, но крещѣнием святым ограждена́, и несмь в привидѣнии дух, но земля́, прах и пѣпел и всячески плоть, ничто́же когда́ духовное помыслившая.

И сие́ рѣкши, зна́мена крѣстным зна́мением чело́ свое́, и о́чи, и устне́, и пѣрси, глаголющи си́це:

— Бог, [авво Зосімо,] да избавит нас от лукаваго, и от ловлѣнія его́, яко мно́га брань его́ на нас.

Сия́ слы́шав и ви́дев, старец паде́ пред нога́ми ея́, глаголя со слеза́ми:

— Заклинаю́ ты именем Го́спода на́шего Иисуса Христа́, Истиннаго Бо́га ро́ждшагося от Дѣвы, Его́же ра́ди наготу́ сию́ но́сиши и Его́же ра́ди плоть твою́ тако умертвила еси́, не скрый от мене́ жития́ твоего́, но все повѣждь ми, да вели́чия Бо́жия я́ве сотвори́ши. Рцы ми все Бо́га ра́ди: не похвалы́ бо ра́ди изрече́ши, но да извести́ши, я́же о тебе́, мне, грѣшному и недостойному. Вѣрую бо Бо́гу моему́, Ему́же живѣши, яко сего́ ра́ди наста́влен есмь в пусты́ню сию́, да твоя́ вся я́ве Бог сотвори́т: несть бо си́лы на́шея протѣвнися судьба́м Бо́жиим. Аще бо не бы у́годно было́ Христу́ Бо́гу на́шему, дабы ты увѣдана была́ и по́двиги твоя́, и тебе́ не явил бы мне, и мене́ на толи́кий путь не укрепил бы, никогда́же хотѣвшаго или́ могу́щаго изы́ти из кѣлии моея́.

Сия́ мно́жайшая изрѣкшу Зосіме, воздвигши его́, она́ рече́ к нему́:

— Стыждуся́ [отче, прости́ мя] студ рещи́ тебе́ дел мои́х, но понѣже тѣло моѣ́ наго ви́дел еси́, обнажу́ ти и дела́ моя́, да позна́еши, коли́ка студа́ и срамоты́ исполнена есть душа́ моя́. Не похвалѣнія бо не́коего

ради, якоже сам рекл еси, яже о мне, исповем тебе: о чесом бо имам похвалитися, сосуд избран диаволу бывшая! Но аще начну повесть, яже о мне, бежати имаша от мене, якоже кто бежит от змия, не терпя слышати ушесы безместная, яже аз, недостойная, содеях. Обаче изреку, не умолча ничтоже, но молю ты पहले, да не оскудеши молитися за мя, яко да обрящу милость в День судный.

Статья 2-я

Старцу же, желающему уведати житие ея и неудержимо слезящу, нача она яже о себе повествовати сице:

— Аз, отче, рождена есмь во Египте, бывшей же ми двундцати лет и еще живым сущим родителем моим, отвергохся любви их и идех во Александрию. И како पहले девство мое растлих, неудержимое же и ненасытное начах творити любодейние, стыждуся же и помыслити, не точию глаголати на мнозе, обаче нужнейшее скорее изглаголю, да увеси неудержание плоти моея; седмнадцать лет и более сотворих в народном блудодейнии, не ради дара или мзды коея, ниже бо от неких дающих ми хотех прияти: сие же умыслих, да множайших приобрящу притекати ко мне туне и исполняти плотское желание мое. Не мни же о мне, яко богата бех и не взымах, в нищете бо живях и множицею гладна изгребия прядох, раждежение же имях ненасытное, всегда в тине блудной валятися: то бо мнех быти и жизнь, еже всегда творити безчестие естества. Тако убо живущи, видех в некое жатвенное время народ мног мужей Ливиян и Египтян идущих на море, вопросих же тогда некоего прилучившагося мне: «Камо идут мужи сии со тщанием?» Он же ми рече: «Во Иерусалим, Воздвижения ради Честнаго и Животворящаго Креста, еже не по мнозех днех праздноватися будет».

И реко́х к нему́: «По́ймут ли у́бо и мене́, а́ще пойдú с ни́ми?» Он же рече́: «Аще има́ши наём и бра́шно, никто́же тебе́ возбура́нит». Реко́х же к нему́: «Вои́стинну, бра́те, не найма́́ймам, ни бра́шна, пойдú же и аз, и вни́ду во еди́н кора́бль с ни́ми, и пита́ти мя и́мут: те́ло бо моё дам им за наём». Сего́ же ра́ди хоте́х с ни́ми ити́ [о́тче, прости́ мя] я́ко да и́мам мно́жайших ра́чителей, гото́вых к стра́сти моёй. Рех ти, о́тче Зо́симо, не ну́ди мене́ изрещи́ студ мой, ужа́саюся бо, весть Го́сподь, я́ко оскверняю и са́мый во́здух словесы́ мо́ими.

Зо́си́ма же, слеза́ми омака́я зе́млю, отве́ща к ней:

— Глаго́ли Го́спода ра́ди, о ма́ти мо́я, глаго́ли, и не престáни от полéзныя ми по́вести.

Она́ же к пёрвым приложи́ сия:

— Той у́бо ю́ноша, услы́шавши скве́рных мо́их словес безсту́дие, сме́хом содержи́м, оти́де. Аз же, пове́ргши пра́слицу, ю́же случи́ся ми на вре́мя носíti, текóх к мо́рю, иде́же теку́щих зре́х, и ви́дех не́кия при мо́ри стоя́щия, число́м я́ко де́сять мужей и́ли и мно́жайших, ю́ных телесы́, и́же дово́льни мне бы́ти яви́шася к по́хоти моёй. Внидо́ша же и ини́и уже́ пре́жде в кора́бль. И по обы́чаю моему́ безсту́дно вскочивши к ним, «пойми́те, реко́х, и мене́, а́може вы и́дете: не и́мам бо вам обрести́ся неуго́дна», но и ины́я ре́кши скве́рныя глаго́лы, подвиго́х всех на смех. Они́ же безсту́дие моё ви́девше, по́ймше мя введо́ша в кора́бль свой, и оттúду нача́хом плы́ти. А я́же отсе́ле бы́ша, ка́ко ти испове́м, о челове́че Бо́жий! Кото́рый язы́к изречёт и́ли слух при́имет бы́вшая зла́я дела́ мо́я на пу́ти и в кора́бли? Ка́ко и не хотя́щих аз, ока́янная, понужда́х на грех, несть бо о́браза нечистóт, изрица́емых же и неизреца́емых, и́хже тогда́ бех учи́тельница? Ими́ мне ве́ру, о́тче, ужа́саюся, ка́ко понесе́ мо́ре блужéние моё? Ка́ко же не раздви́же земля́ уст

своих и живу ю мя во ад не погрузи, толико душ сѣтию смѣртною уловившую? Но мню, яко покаяния моего Бог искаше, не хотящ смѣрти грѣшника, но ожидающ с долготерпѣнием обращѣния.

Тако убо и с таковым тщанием въздох во Иерусалим, и елико дней прѣжде прѣзднака тамо пребых, подобная пѣрвым творих, паче же и горшая: не довольна бо бех юношами, бѣвшими со мною в кораблѣи и на путѣи, но и инья множайшия, гражданы же и странныя, на ту скверну собирах.

Егда же постиже прѣзднак святаго Воздвижения Честнаго Креста, аз, яко и пѣрвее, обхождах души юных уловляючи. Видех же зело рано всех согласно стекающихся в церковь, идох убо и аз, и текох с текущими, и приидох с ними в притвор церковный; и егда приспе час святаго Воздвижения Честнаго Креста Господня, и аз, тщася внити в церковь с народом, тесняхся, но оттесняема и отрѣваема бех: угнетаема же, с трудом многим и нуждею приближихся к дверем церкви и аз, окаянная; егда же на праг дверный возступих, инии убо вси невозбранно внидоша, мне же Божественная некая возбранѣи сила, не попускаючи внити: и паки покусихся, но отриновѣна бех и единая в притворѣ отвержена стоях, мнѣвши же яко от женския немощи сие случается ми. Паки иным входящим примесихся и нуждахся внити, но труждахся всуе: и паки бо, егда нога моя грѣшная прагу коснуса, церковь всех приимаше, никомуже возбраняя, менѣ же единому окаянную не приимаше: но, яко воинское множество, на сие устроенное, еже вход возбраняти, сиче мне внезапная некая возбраняше сила, и паки обретохся в притворѣ.

Сиче же трижды и четырежды пострадавши, трудившися и ничтоже успѣвши, изнемогах и ктому не могах примешатися ко входящим. [Бѣвши и телу

моему от нѹжды угнетающих зело претруждѹну.] В студѹ же сѹщи и нечаянии прочее, отступих и стах в нѹкоем ѹгле притвѹра церкѹвнаго. И едва нѹкогда приидѹх в чѹвство, кая бысть вина, возбраняющая мне видети Животворящее Древо Креста Господня: коснѹся бо очесѹм сѹрдца моего свет разума спасительнаго, заповедь Господня свѹтлая, просвещающая душѹвныя ѹчи, показѹючи ми, яко тина дел моих возбраняет ми церкѹвный вход: начах ѹбо плакаться, и рыдати, и в пѹрси бити, воздыханія из глубины сѹрдца износящи.

Плачущися же на мѹсте, на нѹмже стоях, узрѹх горѹ иконѹ Пресвятыя Богородицы, на стенѹ стоящую, и рекѹх к ней, неотвѹратно очесѹ и умѹм зрящи:

— О Дѹво Владычице, рѹждшая плѹтию Бѹга Слѹва! Вем воистиннѹ, вем, яко несть ти достохвально, ниже благоприятно, еже зрѹти мне, сѹще нечѹстей и сквѹрней блуднице, на честнѹю иконѹ Твою, Пречѹстыя Приснодѹвы Марїи, имѹщія тѹло и дѹшѹ чѹсту и несквѹрнѹ: праведно же есть мне, блуднице, возненавиденней и омерзѹнней бѹти от Твоея дѹвственныя чистоты. Но понѹже слышах, яко сегѹ ради Бог человек бысть, Егѹже родила еси, да призовет грѹшники на покаяние: помози мне единой, не имѹщей ни от когѹже помѹщи. Повели, да и мне невозбранѹн бѹдет в церкѹвь вход. И не лишѹ менѹ видети Честное Древо, на Нѹмже Плѹтию пригвоздѹся Бог, рожденный от Тебѹ, Иже Кровь Свою за мое избавленіе даде. Повели, о Владычице, да и мне, недостѹйной, двѹри отвѹрзутся к поклонѹнію Божѹственного Креста. И бѹди ми Ты Порѹчица достовѹрнейшая к Рожденному из Тебѹ, яко уже ктому телесѹ моего не имам осквернити никѹимже нечѹстым блуженія руганіем; но егда Древо святое Крестное Сына Твоегѹ узрю, мира и яже в мире всего отвѹргуся и абие изыду, а може Ты Самая, яко Порѹчица моего спасенія, наставиши мя.

Сия рѣкши и яко некое извещѣние приѣмши, вѣрою разжжена и надежду на благоутрѣбие Богородицы утверждена, двигнухся от онаго мѣста, на немже стоящи творях молитву, и шедши паки ко входящим в церковь примесихся, и уже никтоже бе отрѣваяя менѣ, и никтоже возбраняяя быти ми близ дверей, имиже в церковь вхождаху. Прия убо мя страх и ужас, и вся трепетах и трясохся; таже достигши дверей, яже дотолѣ затворены мне быша, без труда внидохъ внутрь церкви Святаѣи Святыѣи, и Честнаго и Животворящаго Креста Древо видети сподобихся, и видех тайны Божия, и како готовъ есть приимати кающихся; падши же на зѣмлю, поклонихся Честному Древу Крестному, и лобызяхъ е со страхомъ, и изыдохъ, к Поручнице моеѣи приити тщащися. Бывши же на ономъ мѣсте, идеже бе Поручницы моеѣи рукописание, икона Еѣи святаѣи, и на колѣна поклонившися предъ Приснобжевою Богородицею, сия изрекыхъ глаголы: «Ты, о Приснобжеванная Дѣво Владычице Богородице, Твое на мене показуеши преблагое челолюбие: Ты недостойныя моеѣи не гнушаешися молитвы, видех бо славу, юже вправду недостойно бе мне зрѣти, блудной. Слава Богу, приѣмлющему Тебѣ ради покаяние грѣшныхъ. Что же имамъ болѣе, грѣшная, помыслити или рещи? Врѣмя есть уже, Владычице, исполнити за поручениемъ Твоимъ, еже обещахъ: нынѣ, а може волиши, настави мя, нынѣ буди ми прочее спасения Учительница, руководствующи на путь покаяния.» Сия глаголя, слышахъ глас издалеча вопиющъ: «Аще Иорданъ прейдеши, добр покой обрящещи». Азъ же, гласъ Той слышавши и, яко менѣ ради бысть, вѣровавши, со слезами воззвахъ, на икону Богородицы зря: «Владычице, Владычице Богородице, не остави менѣ». И, сице воззвавши, изыдохъ изъ притвора церковнаго и скоротечно шествовахъ.

Идущую же мя ви́де не́кто и даде́ ми три ца́ты, ре́кши: «Приими́ сия́, о ма́ти», — аз же прие́мши, купи́х за них три хлѣба. Вопроси́х же хлебопрода́вца: «Кото́рый путь е́сть ко Иорда́ну?» — уве́давши же врата́ гра́дская, су́щая ко о́ной стране́, изыдо́х, теку́щи и слезя́щи. Вопроша́ющи же пути́ от сретя́ющих, день той в пути́ сконча́х, бе же к тре́тиему часу́ дне, егда́ Честны́й Святы́й Крест Христо́в ви́дети сподо́бихся, и со́лнцу уже́ к запа́ду прекло́ньшуся, достиго́х це́ркве свята́го Иоа́нна Крестите́ля, близ Иорда́на су́щая, в не́йже поклонивши́ся, снидо́х на Иорда́н а́бие, и от тоя́ свята́я воды́ ру́це и лице́ умы́х, и, ше́дши па́ки в це́рковь, причасти́хся в не́й Пречи́стых и Животворя́щих Та́ин Христо́вых, и по сем еди́наго от хлебо́в полови́ну снедо́х, и от воды́ Иорда́нския пих, на земли́ же но́щию почи́х. И воу́трие ра́но, обрѣ́тши та́мо корабле́ц мал, превезо́хся на о́ну страну́ Иорда́на и па́ки помоли́хся Наста́внице мо́ей Богоро́дице, да наста́вит мя, иде́же Ей Само́й е́сть благоу́годно.

Приидо́х у́бо в пусты́ню сию́, и отто́ле да́же и до́днесь удали́хся бе́гая, и zde водвори́хся, ча́я Бо́га, спаса́ющаго мя от прене́могания ду́ши и бу́ри, обра́щающуюся к Нему́.

Зоси́ма же рече́ к не́й:

— Коли́ко лет е́сть, о госпоже́ мо́я, отне́леже в сей водворя́еши́ся пусты́ни?

Она́ же отве́ща:

— Четы́редесять и се́дмь лет разуме́ю бы́ти, отне́леже изыдо́х из свята́го гра́да.

Рече́ же Зоси́ма:

— И что обрета́еши на пи́щу, госпоже́ мо́я?

Она́ же рече́:

— Полтретья́ хлѣба принесо́х, прешѣ́дши Иорда́н, и́же помале́, изсо́хше, окамене́ша, и́хже помалу́ чрез ле́та не́кая вкуша́ющи, сконча́х.

Рече же Зосима:

— Како же безбедно пребыла еси толикое время разстояние, никóему же сопротивну пременению смутившу тя?

Отвещá она:

— О речи мя ныне вопросил еси, áвво Зосимо, о ней же ужасаюся глаголати: áще бо вспомяну толикия беды, яже претерпех, и помышления лютая, смутившая мя, боюся, да не како паки от них объята буду.

Рече же к ней Зосима:

— Ничтоже остави, о госпоже моя, еже не возвестити ми, единою бо о сем вопросих тя, да вся подробну изъявиши ми.

Она же рече к нему:

— Вѣруй ми, áвво Зосимо, седмьнадесять лет пребых в пустыни сей, яко со зверьми лютыми, с моими безумными похотьми борющися: егда бо пищи вкушати начинах, желлах мяс и рыб, яже ми бяху во Египте. Желлах же и пития вина, вожделеннаго мне: много бо вина пях, в мире сущи, где же и воды отнюд не имеющи, люте жаждуею палима бех и бедне терпях. Бываше же ми и желание блудных песней, зело смущающее и понуждающее мя пети песни бесовския, имже навькох. Абие же слезящи и в перси биющися, воспоминах обеты, яже сотворих, исходящи в пустыню сию. Бывах же помыслом пред иконою Пречистыя Богородицы, Споручницы моея, и пред Нею плакахся, молящи отгнати от мене помышления, сиче окаянную мою душу смущающая; егда же довольно плакахся, и в перси усердно бях, тогда свет видех, отвсюду мя осиявший, и тишина, от треволения изымающая, бываше ми. Помыслы же, на блуд паки поревающия мя, како ти исповем, áвво, прости: огонь бо внутрь сердца моего страстнаго возгарашеся, и всю отвсюду

паляше мя, и к желáнию смешéния понуждáше. Егда же таковóе помышлéние прихождáше ми, повергáх мя на зéмлю, и слезáми обливáхся, помышляющи Сáмую мне предстояти Спорúчницу мою, преступлéние моé судящую, и мучéние за преступлéние грóзно показующую, и не воставах от повержéния менé на зéмлю день и ночь, дóндеже слáдкий óный свет осиявáше мя и пóмыслы смущáющия мя отгоняше; óчи же моé к Спорúчнице моéй возводáх, непрестáнно просящи помощи мне, бédствующей в пустынной пучине; я́коже и войстинну Помóщницу Ту имéх и к покая́нию Поспéшницу. И тáко скончáх седьмáдесять лет, безчísленные бéды пострадавши. Отто́ле же дáже до днесь Помóщница моá Богорóдица во всем и на вся руковóдствует мя.

Речé же Зосíма к ней:

— Не потребовала ли еси́ прóчее пи́щи или́ одея́ния?

Она́ же отвещá:

— Хлéбы úбо óныя скончáвши в седмина́десяти лéтех, пита́хся зéлием, обрета́ющимся в пусты́ни сей; одея́ние же, е́же имéх, Иордáн прешéдши, от вéтхости истлé, и мно́гую от зимы́ и от знóя нúжду претерпéх, знóем опалéема и зимóю омерзáема и трепéщуца, я́коже и мно́жицею пáдши на землi, áки бездúшна, отню́д недви́жима лежáх, мно́гими и разлiчными бeдáми и искушéниями безмéрными борiма. Отто́ле же и до днесь сiла Бóжия многообразная грéшную мою́ дúшу и тéло смирénное соблюде́: помышляющи бо тóчию, от каковых́ мя зол избáви Госпóдь, пи́щу неистощiмую стяжáх наде́жду спасéния моего́: пита́юся бо и покрывáюся глагóлом Бóжиим, содержа́щим всяческа́я; iбо не о хлéбе еди́ном жив бúдет человек. И ели́цы не имéяху покрóва, в кáмение облекóшася, ели́ко их совлечéся грехóвнаго одея́ния.

Слы́шав же Зосі́ма, я́ко и словеса́ от Писа́ния воспомина́ет, от Моисе́я же и проро́к и от книг псаломских, рече́ к ней:

— Псалмо́м же и ины́м кни́гам, о госпоже́, учи́лася ли еси́?

Она́ же, слы́шавши си́е, оскла́бися, и рече́ к нему́:

— Ве́руй, челове́че, не ви́дех ина́го челове́ка, отне́леже Иорда́н преидо́х, кроме́ твоего́ лица́ днесь, и ниже́ зве́ря, ни ина́го живото́наго ви́дех; кни́гам же никогда́же учи́хся, ни ина́го чту́щаго или́ пою́щаго слы́шах, но сло́во Бо́жие живо́ и де́йственно́ учи́т ра́зуму челове́ка. Да́же до zde ко́нec су́щия о мне по́вести. Ны́не у́бо заклина́ю тя воплоще́нием Сло́ва Бо́жия, моли́тися за мя блудни́цу.

Сия́ егда́ она́ изрече́ и сло́во сконча́, устреми́ся ста́рец поклони́тися и со слеза́ми возопи́:

— Благословен́ Бог, творя́й вели́кая и стра́шная, сла́вная же и дивна́я неизрече́нная, имже́ несть числа́; благословен́ Бог, показавы́й ми, елика́ да́рует боя́щимся Его́; вои́стинну не оставля́еши взыску́ющих Тебе́, Го́споди!

Она́ же, е́мши ста́рца, не попусти́ тому́ соверше́нно поклони́тися ей и рече́ к нему́:

— Сия́ вся, я́же слы́шал еси́, о́тче, заклина́ю тя Иису́сом Хри́стом Богом, Спаси́телем на́шим, да ни́кому́же рече́ши, до́ндеже Бог от земли́ во́зьмет мя. Ны́не же с ми́ром отыди́, и па́ки в гряду́щее ле́то у́зриши мя, Бо́жией нас храня́щей благода́ти. Сотвори́ же Го́спода ра́ди то, е́же ти ны́не пове́м, моля́: в пост гряду́щаго ле́та не преходи́ Иорда́на, я́коже обы́косте в монасты́ре.

Дивля́шеся же Зосі́ма, услы́шав, я́ко и чин монасты́рский возвести́, и ничто́же и́но глаго́лаше, кроме́: «Сла́ва Бо́гу, даю́щему вели́кая лю́бящим Его́».

Она́ же рече́ ему́:

— Пребу́ди у́бо, якоже глаго́лю ти, авво, в монасты́ре: и́бо и хотя́щу изы́ти, не возмо́жно ти бу́дет; во святы́й же Вели́кий Четверто́к, в ве́чер та́инственны́я Христо́вы Ве́черы, возьми́ от Животворя́щаго Те́ла и Кро́ве Христа́ Бо́га на́шего в сосу́д святы́й, досто́йный тако́ваго Та́инства, принеси́ же и пожди́ мя на о́ной Иорда́на стране́, су́щей близ селе́ния мирска́го, да прише́дши причащуся́ Животворя́щих Даро́в: отне́леже бо причастихся́ Их в це́ркве Предте́чеве пре́жде да́же Иорда́н преидо́х, да́же до ны́не святы́ни То́я не получи́х; ны́не же усер́дно Ея́ жела́ю и молю́ тя, да не презри́ши моего́ моле́ния, но вся́чески принеси́ ми Животворя́щее то́ Божество́нное Та́инство, во́ньже час Госпо́дь Сво́я ученики́ ве́черы Божество́нны́я прича́стники сотвори́. Ио́анну же, игу́мену монасты́ря, в нёмже живёши, рцы́: «Внима́й тебе́ и ста́ду тво́ему: не́кая бо та́мо творя́тся, тре́бующая исправле́ния»; о́баче хо́щю, да не ны́не то́ рече́ши ему́, но егда́ Госпо́дь повелит́ ти.

Сия́ ре́кши и моле́ния за ся́ от ста́рца испроси́вши, во вну́треннюю пусты́ню оты́де. Зо́сима же поклони́ся до земли́, целова́ ме́сто, иде́же стоя́ху стопы́ ног ея́, да́я сла́ву Бо́гу, и возврати́ся, хваля́ и благослова́ Христо́а Бо́га на́шего.

Прешед́ же о́ную пусты́ню, при́де в монасты́рь, во́ньже день возвра́тятся обы́коша бра́тия, в нем живу́щии, и в то ле́то умолча́ вся, никому́же сме́я изрещи́, я́же ви́де; в себе́ же Бо́га моля́ше показа́ти ему́ па́ки жела́емое лице́; скорбя́ше же и тужа́ше, помышля́я долготу́ ле́тняго течёния, хотя́ еди́ным днем ле́ту о́ному бы́ти, а́ще бы мо́щно бы́ло.

Егда́ же прибли́жися свята́го Вели́каго поста́ пе́рвая неде́ля, а́бие по обы́чаю и чи́ну монасты́рскому, сотвори́вше моли́тву, инии́ вси бра́тия пою́ще изыдо́ша в пусты́ню, Зо́сима же, недуго́м распале́ну,

нужда бе удержану в монастыре остатися. Воспомяну же той преподобную, рекшую: яко и хотящу ти из обители изыти, невозможно будет. Но не по многих днех от недуга востав, пребываше в монастыре. Егда же возвратишася братия, и приближися вечер Таинственныя Христовы Вечери, сотвори Зосима завещанное ему: вложи в малую чашу от Пречистаго Тела и Крове Христа Бога нашего, вложи же в кошницу и смоквей мало сушеных, и фиников, и мало сочива мочена в воде, и иде в вечер, zelo позден, и седе на бреже Иорданове, ждый преподобныя. Медлящей же святей, Зосима не воздремася, но неуклонно зряше в пустыню, ожидая видети усердно желаемое. Глаголаше же в себе старец, седя: «Еда како недостойнство мое возбранити приити ей, или пришедши и не обретиши мя возвратися».

Сиче же помышляя, воздохну и прослезися и, очи на небо возвед, Бога моляше, глаголя: «Не лишит мене, Владыко, и паки да вижду лице то, еже видети сподобил мя еси: да не отыду тощ, нося моя грехи на обличение мое». Сиче со слезами помолвися, во оно помышление преиде, глаголя в себе: «Что убо будет, аще и приидет, а корабля несть, како Иордан преидет и ко мне приидет, недостойному? Увы моему недостойнству! Увы мне, кто мя такового добра лишитися сотвори!»

Тако помышляюще старцу, се преподобная прииде и на оной стране реки ста, отнюдуже идяше. Зосима же воста, радуясь и веселясь и славя Бога. Но еще с помыслом боряшася, яко не может та прейти Иордана. И виде ю, знамением крестным Иордан знаменовавшую, [всю бо ночь тогда луна сияше,] и купно с тем знамением взиде святая на воду и, ходящи верху воды, к нему грядяше. Он же хотел поклонитися ей, но та возбранити ему, еще по воде шествующи, глаголя:

— Что твориши, авво, священник сый и нося Божественныя Тайны?

Он же послуша глаголющия.

Яже сошедши с воды, рече к старцу:

— Благослови, отче, благослови.

Он же к ней отвечаваа с трепетом, [ужас бо его объа от предивнаго видения,] рече:

— Воистинну Бог неложен есть, обещаый уподобити себе тех, иже себе по силе своей очищают; слава Тебе, Христе Боже наш, показавый мне рабю Твоею сею, колико отстою от меры совершения.

Сие рекшаго моли она глаголати Символ святыя веры: «Верую во Единого Бога» и молитву Господню: «Отче наш, Иже еси на небесех». И, скончанней бывшей молитве, причастися святая Пречистых и Животворящих Христовых Таин и по обычаю целова старца. Таже на небо руже воздевши, воздохну, прослезися и возопи:

— Ныне отпускаеши рабу Твою, Владыко, по глаголу Твоему с миром, яко видеста очи мои спасение Твое.

И глагола к старцу:

— Прости, авво Зосимо, еще же и другое мое желание исполни: иди ныне в монастырь твой, Божиим миром храним, в грядущее же лето прииди паки во оныйже поток, идеже ти первее собеседовах, прииди убо, прииди Господа ради, и паки узриши мя, якоже хощет Господь.

Он же к ней отвеча:

— Хотел бы, аще бы мощно было, в след тебе ходити, и зрети честное твое лице: молю же, сотвори едино просимое у тебе мною старцем: вкуси мало от пищи, юже принесох семо.

И сие рек, показав ей, еже име принесенное в кошнице. Она же перстов краями сочива коснувшись и три зерна взявши, во своя принесе уста и рече:

— Довлѣет сие благодати духовней, хранящей естество души нескверненное.

И паки рече к старцу:

— Моли Господа о мне, отче мой, моли, поминая всегда мое окаянство.

Он же поклонися пред ногами ея и прошаше ю, да молится к Богу о церкви и о царех и о нем. Сие же испросив со слезами, остави ю отыти, сам стая и рыдая: не смеяше бо надолзе ю держати, но аще бы и хотел, неудержима бе. Она же, паки Иордан знаменавши, прейде той верху воды, якоже и прежде. Старец же возвратися, радостию и страхом многим содержимый, укоряя себе и жалѣя, яко имене преподобныя не уведа, обаче уповаше сие получитьи во грядущее лето.

Лѣту же мимошедшу, поиде Зосима паки в пустыню, вся исполнивши по обычаю, и течаше ко оному предивному видению; прешед же пустынную долготу и достиг неких знамений, показующих искомое место, озираше десная и шуюя и всюду смотряше очима, аки ловец некий искуснейший, где бы угодный получил лов. Егда же ни откуду что движущееся тако виде, нача себе обливати слезами и, возвед на небо очи, моляшеся Богу, глаголя: «Покажи ми, Господи, сокровище Твое некрадомое, еже в пустыни сей скрыл еси; покажи мне [молюся] во плоти Ангела, емуже соравнитися несть достоин весь мир».

Сие молящися, достигже места, еже поток знаменоваше, и, став на край того, виде на стране, сущей к востоку, преподобную лежащую мертво, рuce, якоже достояше, согбенны и лице на восток обращенно имущую. К нейже притек, ноze блаженный слезами своими умываше: ни которой бо оной части тела дерзнул коснутися.

Плавав же много, и псалмы приличные времени той потребности изрек, сотвори молитву погребения, и рече к себе: «Погреbstи ли имам преподобныя тело, еда ли неудобно блаженней сие будет?» И сия в мысли своей глаголя, виде при главе ея изображенное писание на земли сие: «Погреби, авво Зосимо, на сем месте смиренныя Марии тело, отдаждь персть персти; моли же Господа за мя, преставльшуюся месяца фармуфия Египетски, Римски же Априллиа, в первый день, в самую ночь спасительныя Христовы Страсти, по причащении Божественныя Тайныя Вечери.»

Сие написание прочет, старец पहले помышляше: «Кто есть писавый? Она бо, якоже рече, не ведяще писания»; обаче возрадовася zelo, яко имя преподобныя уveda. Позна же, яко егда преподобная Божественных Тайн при Иордане причастися, абие на месте том бысть, идеже тогда и преставися; и а може он шествова путь, двадeсять дней трудяся, тамо во един час Мария преjde и абие к Богу отыде.

Славя же Бога старец, и слезами омочая землю и тело преподобныя, рече к себе: «Время есть, о старче Зосимо, повеленное тебе совершити, но како сотвориши, окаянне, ископание, в руках ничесоже имея?» – и, сие рек, виде не далече древец малое поверженное в пустыни, еже взем, нача им копати; суха же сущи земля, никакоже послушаше труждающагося старца, иже копаше, потом обливаем, но ничтоже успети можаше.

Воздохнув же zelo из глубины духа, виде льва велика, телу преподобныя Марии предстояща и ноze ея лижуща; егоже узрев, трепетен бысть, бояся зверя, паче же воспомянув блаженною реченное, яко никогдаже зверей виде; знаменався же крестным знамением, верова, яко невредно будет сохранен силою лежащия. Лев же нача приближати тихо к старцу, ласкаяся помаваньи, аки целуя.

Зосима же рече ко льву:

— Понэже, о звэрю, великая сия повелé мне погребсти ея тéло, аз же стар есмь, и не могу́ ископати грóба, ниже́ бо íмам ору́дия к копанíю по-требнаго, и в толи́ком разстоя́нии от обíтели не могу́ скоро́ возврати́тися и принести́ е: сотвори́ у́бо ты ко-панíе ноготьми́ твоими́, да отдамъ земли́ преподо́б-ныя тéло.

И áбие, глаголъ сей слы́шав лев ископа́ предними нога́ми ров, ели́ко дово́льно бе покры́ти погреба́емое. Па́ки у́бо ста́рец преподо́бныя но́зе слеза́ми омы́в и мно́го моли́вся ей за вся моли́тися, покры́ тéло ея́ земле́ю, на́го су́щее и ничто́же íно имéющее, то́чию óную оде́жду вéтхую раздра́нную, пове́рженную испе́рва от Зоси́мы, ёю́же Мари́я покры́ тогда́ не́кия своего́ тéла ча́сти. Та́же отыдо́ша óба, лев во вну́-реннюю пусты́ню, я́ко овча́, тихо́ отлучи́ся, Зоси́ма же во своя́ возврати́ся, благословя́ и хваля́ Христа́ Бо́га на́шего.

И, прише́д в монасты́рь, всемъ мона́хом пове́да от преподо́бней сей Мари́и, ничто́же скрывъ, е́же ви́де и е́же слы́ша от не́я, я́ко всемъ слы́шащим вели́чия Бо́жия удиви́тися, со стра́хом же, ве́рою и любóвию твори́ти па́мять и почита́ти день преставле́ния преподо́бныя сея́ Мари́и. Иоáнн же игу́мен обре́те не́кия в монасты́ре, тре́бующия исправле́ния, по словеси́ преподо́бныя, и сия́ по́мощию Бо́жиею испра́ви.

Зоси́ма же, поживши́ богоуго́дно, близ ста лет сый, сконча́ в том монасты́ре жи́знь вре́менную и оты́де на вéчную ко Го́споду. И оста́виша мона́си то́го монасты́ря ненапи́санное та́мо сиé о преподо́б-ней Мари́и сей сло́во, но по восприима́нию еди́ни от други́х глаго́люще и во óбщую предлага́юще по́льзу пове́сть слы́шащим: писани́ем же то́ предано́ дото́ле не слы́шася.

Приложение

Аз же [глаголет Софроний святыи,] еже написанное приях, писанною повестью изъявих. Аще же инии житие сея преподобныя списаша, лучше ведуще, то не у в мое ведение прииде; обаче и аз, колико возмогох, по силе моеи написах, ничтоже паче истинныя повести предпочет. Бог же, предивная творяи чудеса и великими воздай даровании с верою к Немю прибегающим, да даст мзду приобретающим пользу от сея повести, чтущим сиe и слышащим, и потщавшемуся предати повесть сию написанию; и да сподобит их благия части Марии сея блаженныя со всеми богомыслием и трудами благоугодившими Ему от века.

Дадим же и мы славу Богу Царю Вечному, да и нас сподобит милость обрести в День судный, о Христе Иисусе, Господе нашем; Ему же подобает всякая слава, честь и держава и поклонение, со Отцем и Пресвятым и Животворящим Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

